

УДК 343.01

Умарова Амала Алиевна

кандидат юридических наук,

доцент кафедры гражданского права и процесса,

Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова

umarova1986@mail.ru

Amala A. Umarova

candidate of legal sciences, associate professor of the department

civil law and procedure

Chechen State University named after A.A. Kadyrov

umarova1986@mail.ru

К вопросу о коррупции и коррупционной преступности

On the issue of corruption and corruption crime

***Аннотация.** Коррупция может быть представлена как минимум в четырех значениях: общесоциальном, политэкономическом, криминологическом и уголовно-правовом. В общесоциальном значении она представляет собой злоупотребление чиновником своими полномочиями и вытекающими из них возможностями с целью неправомерной наживы. В статье анализируются основные правовые категории коррупции и коррупционной преступности, дается анализ коррупции в общесоциальном, политэкономическом, криминологическом и уголовно-правовом аспектах.*

***Ключевые слова:** преступления, коррупция, коррупционная преступность, коррумпированность, уголовный закон.*

***Abstract.** Corruption can be represented in at least four meanings: general social, political economic, criminological and criminal law. In a general social sense, it is an abuse by an official of his powers and the opportunities arising from them for the purpose of illegal profit. The article analyzes the main legal categories of corruption and corruption crime, analyzes corruption in general social, political economic, criminological and criminal law aspects.*

***Keywords:** crimes, corruption, corruption crime, corruption, criminal law.*

Коррупция может быть представлена как минимум в четырех значениях: общесоциальном, политэкономическом, криминологическом и уголовно-правовом. В общесоциальном значении она представляет собой злоупотребление чиновником своими полномочиями и вытекающими из них возможностями с целью неправомерной наживы. Использование полномочий есть деятельностью как в пределах полномочий чиновника, так и вне их рамок, но связанной с авторитетом (положением) его должности. И в первом, и во втором случае это - использование авторитета власти, способного простереться исходя из уровня должностного статуса на разные области, нередко беспредельно многогранно.

Под противозаконным обогащением понимается приобретение чиновником для себя или иных людей, которые, в той или иной степени, связаны с ним и находятся в зоне его интересов, имущества, денег или иных благ, сверх получаемой им зарплаты, премий, льгот и пр. В общем-то, всяческая должность и сопряженный с ней статус и авторитет, существенный или незначительный, кроет в себе возможность противозаконного обогащения. Будет ли осуществлена эта возможность или нет, зависит от моральных устоев должностного лица, порядочности, чувства достоинства, уважения к социуму, государству, от отношения к своему долгу и пр.

С пониманием коррупции в ее общесоциальном значении сопряжен термин «коррупцированность», означающий вовлеченность чиновника в процесс противозаконного получения наживы посредством злоупотребления своими полномочиями, заряженность желанием незаконно обогатиться путем использования возможностей своего служебного положения.

С точки зрения коррупцированности всех чиновников можно разделить на две группы: коррупцированные и некоррупцированные. Установить их соотношение в действительности не представляется возможным. В то же время, нельзя исключать определение коррупцированности «задним числом», на основе такого показателя, как результаты приватизации.

Предположение, что большая часть государственной собственности в ходе приватизации попала в руки чиновникам, определенным образом распределившись между ними, можно было бы подтвердить или, наоборот, оспорить, если бы была проведена полная проверка документов, подтверждающих (или ниспровергающих) передачу государственного имущества в собственность чиновников, членов их семей, друзей и пр. [1,с.29]

Видов коррупции существует великое множество: от совсем прямолинейных, самоочевидных в форме получения взяток до комбинационных и замаскированных в форме участия чиновников, членов их семей и друзей собственнически или через их представителей в разных сферах бизнеса, а взяточничества чиновников высшего уровня, принимающих участие в правотворчестве – в форме лоббирования законов за определенную плату и пр.

С точки зрения происхождения, чиновники, совершающие коррупционные преступления, дифференцируются на тех, кто стал коррупцированным в ходе исполнения функций должностного лица, и тех, которые до того, как стали чиновниками стремились занять должность с целью дальнейшего злоупотребления своими служебными полномочиями для собственного обогащения. Вторая группа лиц, чаще всего, вступает в должность через назначение вышестоящими чиновниками, использующими должностные полномочия для противозаконного обогащения, по причине их личной преданности, дружбы и пр.

Определение коррупции в ее политэкономическом значении основывается на пресловутом допущении, что бюрократизм по факту является распорядителем (владельцем) государственных средств и все, что

имеется в государстве есть, является собственностью бюрократии. Собственно говоря, бюрократия связывает между собой чиновников всех госорганов, муниципальных органов, вооруженных сил и прочих войск, и воинских формирований.

В этом значении коррупция есть завладение чиновниками собственностью и другими выгодами опосредствовано – через получение власти. Таким образом, завладение имуществом определяет экономическую сторону данного явления, а получение власти, преимуществ и льгот, среди прочего при несоблюдении ими закона, – политическую. Насколько эти стороны естественным образом связаны между собой, настолько их сплочение отражает политэкономическую сторону коррупции[2,с.20].

Далее более детально осветим сущность экономической стороны коррупции.

Власть, как в пределах полномочий чиновников, так и вне их, и проистекающие из нее возможности заполучения имущества, охватывает отдельных лиц, компании, учреждения не коммерческого типа и сами госорганы, органы местного самоуправления, госучреждения, учреждения муниципальной собственности, вооруженные силы и прочие воинские формирования. Причем, процесс извлечения имущества многообразен, протекает как с использованием «пробелов» в законодательстве, так и путем непосредственного нарушения закона.

Процесс совершенствования методов извлечения объектов собственности непрерывен. Более того, постоянно меняется в сторону увеличения их количественный показатель. Например, имущество граждан извлекается путем получения взяток за осуществление как легитимных, так и нелегитимных деяний, среди прочего в связи:

- с включением коррумпированных чиновников в конкурентное противостояние на стороне лиц, дающих им взятку;
- с участием коррумпированных чиновников, членов их семей и прочих близких людей в бизнесе;
- с продажей должностей, званий и пр.

Такого рода действия ослабляют степень доверия к власти со стороны населения, подтачивают ее устойчивость, а значит, являются посягательством не только на социальные отношения, которые обеспечивают государственную власть, интересы госслужбы и службы в муниципальных учреждениях, но и на социальные отношения, которые обеспечивают безопасность государства.

Государственная собственность, правильнее сказать, имущество, являющееся или должное стать собственностью государства, изымается посредством осуществления хищений, уклонения от уплаты налогов и пр.

Политическая сторона коррупции сопряжена с проистекающим из политической структуры государства разделением полномочий между ветвями власти и развернутой на основе этих полномочий законотворческой деятельностью законодательной власти[3,с.40].

Законодательной властью принимаются нормативно-правовые акты, в пределах которых должны находиться все поступки чиновников всех ветвей власти и отдельных физических лиц. От размера установленных пределов зависит размер полномочий чиновников и рамок свободы поведения граждан. Так, сужение этих пределов ведет к уменьшению полномочий у чиновников. Поэтому наилучшими, с точки зрения антикоррупционности, могут считаться законы, смысл которых четко выражен, не допускающим многозначности, различного толкования чиновниками, ведущему к их своевластию, часто допускаемому в целях личного обогащения.

Помимо этого, противокоррупционные законы устанавливают меру, среди прочего, уголовную наказания чиновников за то или иное использование полномочий, идущее вразрез с законом, поскольку в таком использовании полномочий, чаще всего, завуалировано стремление обогатиться. Следовательно, будет или не будет существовать в государстве коррупция и, в свою очередь, коррумпированность чиновников, зависит главным образом от воли составителя законов, устанавливающего и фиксирующего в них политику государства, среди прочего отражающую отношение государства к такому явлению, как коррупция[4,с.195].

Но исследование отечественного законодательства, в том числе, уголовного, свидетельствует о том, что содержание нормативно-правовых актов часто составлено обтекаемо, что дает возможность чиновникам не только трактовать его диспозитивно, но и по-своему применять. При этом уголовное наказание за незаконное использование служебных полномочий сведено к минимуму путем как принятия специализированных норм (по отношению к общей норме, изложенной в ч. 1 ст. 285 УК РФ), устанавливающих составы преступлений со смягчающими обстоятельствами, так и казуистической формулировки составов некоторых должностных преступлений. В итоге отсутствует применение соответствующих статей Особенной части УК РФ.

Довольно обширные пределы уголовного закона хорошо заметны, к примеру, в альтернативных санкциях статей УК РФ и в относительно-определенных санкциях некоторых таких статей с отклонением в сроках лишения свободы в три, пять и более лет. Такие санкции дают возможность малопорядочным судьям злоупотреблять своими полномочиями в контексте установления вида и размера юридической ответственности с целью наживы через получение взяток.

Сведение к минимуму уголовного наказания за незаконное использование служебных полномочий путем принятия специализированных норм (по отношению к общей норме, изложенной в ч. 1 ст. 285 УК РФ), устанавливающих составы преступлений со смягчающими обстоятельствами, проявляется в наличии в УК РФ, например, ст. ст. 289 (незаконное участие в предпринимательской деятельности); 137 ч. 2 (нарушение неприкосновенности частной жизни); 138, ч. 2 (нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений) и пр.

Эти нормы устанавливают менее жесткие меры ответственности, по сравнению с ч. 1 ст. 285 УК РФ, несмотря на то, что каждое из преступных деяний осуществляется посредством злоупотреблений чиновником должностными полномочиями, идущими вразрез с интересами службы в целях корысти или другой выгоды, и приводит к серьезным нарушениям прав и законных интересов физических или юридических лиц, либо находящихся под защитой закона интересов социума, или государства. Причем, нарушение прав физических лиц означает нарушение наиболее существенных прав, установленных Основным Законом РФ. Закрепление в УК РФ составов преступлений со смягчающими обстоятельствами при незаконном использовании служебных полномочий производит впечатление робкого оправдания составителя законов перед чиновниками, осуществляющими такие действия, среди прочего в целях наживы, за введение наказания, предусмотренного в санкции ч. 1 ст. 285 УК РФ. И это, несмотря на то, что и это наказание не очень тяжкое, по крайней мере, не настолько тяжкое, насколько есть серьезным и общественно опасным незаконное использование чиновником служебных полномочий[5,с.28].

Сведение к минимуму наказаний посредством казуистической формулировки составов должностных преступлений наиболее наглядно продемонстрировано в установлении противоправного участия в бизнесе (ст. 289 УК РФ). В этой статье определена мера наказания за «учреждение чиновником организации, занимающейся предпринимательством, либо принятие участия в управлении такого рода организацией самолично или через представителя, несмотря на запрет, предустановленный законом, если такие действия сопряжены с предоставлением этой организации льготных условий и преимуществ или другим видом попечительства».

Казуистичность формулировки этого состава преступления состоит в предопределенности деяния предоставлением организации, учрежденной чиновником или в управлении которой он принимает участие, льготных условий и преимуществ или других видов попечительства. Эта предопределенность ярко выражена и бесспорна, так как проявляется в самом занятии должности лицом, которое учредило данную организацию или принимает участие в управлении ею, но обычно не устанавливается и не доказывается на уголовно-процессуальном уровне. Эта предопределенность не отражена в Указе главы государства от 4 апреля 1992 года № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», выражающем концепцию борьбы с коррупцией в нашей стране, в ст. 2 которого без каких бы то ни было еще условий включен запрет государственным должностным лицам:

- заниматься бизнесом;
- так или иначе, незаконно содействовать гражданам и коммерческим организациям в реализации бизнеса путем злоупотребления своими должностными полномочиями, получая за это вознаграждение, услуги, льготные условия;

- осуществлять другие действия на условиях совместительства (помимо работы научного, творческого характера, преподавания), а также - вести бизнес через посредников или быть посредником третьих лиц по делам госоргана, в котором служат;

- собственлично или через поверенного участвовать в управлении акционерными обществами, товариществами ограниченной ответственностью или другими организациями.

Не соблюдение этих требований влечет за собой увольнение и другие меры наказания по нынешнему законодательству.

Если сравнить четко сформулированный Указ главы государства и диспозицию ст. 289 УК РФ, то можно убедиться в том, что факт включения в эту статью, названную выше, предопределенность нелегитимного участия в бизнесе, является ничем иным, как извращением смысла Указа.

Казуистичность определения состава преступления в ст. 289 УК РФ является главной причиной не использования данной нормы в практической плоскости, что подтверждается отсутствием до сих пор случаев осуждения по ней. Эта норма противокоррупционна только в политическом аспекте, но не в юридическом.

Помимо этого, уголовная ответственность за получение взятки (ст. 290 УК РФ) минимизируется нормами, которые содержатся в ст. ст. 304 УК РФ (провокация взятки или коммерческого подкупа) и 575 ГК РФ (запрещение дарения). В соответствии со ст. 304, к примеру, провокацией взятки считается попытка дачи чиновнику «без его согласия, денежных средств, ценных бумаг, другого имущества или оказания ему имущественных услуг для фабрикация доказательств осуществления преступного деяния или шантажа».

Казуистичность формулировки диспозиции ст. 304 УК РФ заключается во включении в определение провокации взятки признаков, переданных такими фразами, как «без его согласия» и «для фабрикация доказательств осуществления преступного деяния», осложняющими, а еще чаще исключаящими, использование ст. 209 УК РФ.

Причиной этому есть то, что совсем непросто и даже невозможно на деле доказать согласие чиновника на получение взятки, например, доказать полную ошибочность его показаний о том, что такого согласия не было. А фабрикация доказательств осуществления преступного деяния – это оценочный признак, и признание доказательств сфабрикованными (или существующими в действительности) нередко обусловлено не содержанием материалов уголовного дела, а авторитетом и статусом чиновника, и его связями, среди прочего с сотрудниками органов правопорядка.

Такое состояние дел не может не беспокоить людей, борющихся со взяточничеством. Они обосновано опасаются, что сами, а не взяточполучатель, могут быть признаны виновными в провокации взятки в процессе уличения последнего во взяточничестве, если будет оказано давление в виде предпринимаемых вышестоящими и иными коррумпированными чиновниками кулуарных шагов, которые невозможно

выявить и доказать. Это объясняет отсутствие уверенности в том, что борьба со взяточничеством может увенчаться успехом. По этой причине норма, закрепленная в ст. 304 УК РФ существенно перетягивает в свою сторону вес нормы, предусмотренной ст. 290 УК РФ, и является серьезным препятствием использованию этой нормы в практической плоскости.

Исходя из ст. 575 ГК РФ, «запрещается дарение, кроме традиционных подарков, стоимостью не выше пяти установленных законом минимальных размеров зарплат:

...3) госслужащим и служащим учреждений муниципальной собственности в связи с их должностным статусом или выполнением ими должностных полномочий...». [6,с.25]

В сущности, эта норма допускает дарение подарков, стоимость которых не превышает пяти установленных законом минимальных размеров зарплат. Следовательно, такая незначительная взятка не считается гражданским правовым нарушением, а преступным деянием и подавно. Данная норма является своеобразной «щелью», если не большим «проемом», для ухода чиновников от уголовного наказания за получение взятки, поскольку они могут вполне убедительно утверждать, что их разумом было воспринято получение подарка только на сумму, которая не превышала пяти установленных законом минимальных размеров зарплаты.

Указанные правовые нормы в паре с известными всем сложностями установления факта получения-дачи взятки образуют огромную стену, возведенную в целях защиты чиновников от уголовного наказания за взяточничество.

Политическое значение коррупции проявляется еще и в установлении Основным Законом РФ неприкосновенности: главе государства (ст. 91), членам Совета Федерации и депутатам Госдумы (с. 98), судьям (ст. 122), что не допускает возможности их наказания в соответствии с Уголовным кодексом РФ за коррупционные преступления и прочие преступные деяния, связанные с их должностным положением.

О причинах принятия нормативно-правовых актов, выгодных и удобных коррумпированным чиновникам и коррумпированному чиновничеству вообще, можно только делать предположения, они могут быть какими угодно. Например, в качестве причин, которые невозможно определенно установить, может выступать правовая безграмотность составителя законов, либо его безразличное отношение к противодействию коррупции и, таким образом, к безопасности государства в экономическом и политическом плане, либо осознанное и преднамеренное, и вовсе не случайное узаконивание коррупции, вызванное корыстными или другими личными целями представителей законодательной власти.

Безотносительно от того, такими ли являются эти причины или не такими, действующее законодательство, отражающее и фиксирующее политику государства, среди прочего, экономическую и уголовную, открывает новые горизонты для последующей эволюции коррупции.

Криминологическое значение коррупции замыкается только на аспектах общесоциального и политэкономического ее значений, отражающих ее антиобщественную, социально-опасную и уголовно-противоправную суть и содержательное наполнение. Графическое изображение соотношения указанных значений будет следующим: общесоциальное значение коррупции образует наибольшую плоскость, политэкономическое – меньшую и содержащуюся внутри этой плоскости, а криминологическое – составит плоскость, размещенную внутри политэкономической плоскости, а значит еще меньшую.

Определения коррупции в криминологическом значении были даны многими учеными-криминологами. Они содержали в себе как похожие наиболее важные признаки, так и отличия, вызванные, к примеру, непрерывной изменяемостью и эволюцией коррупции в России и сегодняшним уровнем ее понимания. Не будем сопоставлять и анализировать эти определения, ограничимся тем, что укажем на признаки, которыми на современном этапе характеризуется коррупция.

Сейчас коррупция в криминологическом значении является антиобщественным, социально-опасным, угрожающим безопасности нашей страны в экономическом и политическом плане феноменом, охватившим все ветви власти, образующим совместность преступлений, осуществляемых чиновниками для наживы за средства государства, физических лиц, предприятий коммерческого и иного типа. Реализуется коррупция посредством получения с использованием служебных полномочий материальных и других благ во вред государственным интересам. В действительности же такие деяния проявляются в сращении государственной власти и организованной преступности.

В качестве одного из факторов, содействующих коррупции, выступает закон, изложенный неопределенно или включающий в себя оценочные признаки, что позволяет чиновникам использовать его диспозитивно, произвольно в целях наживы. Ликвидировать эту причину коррупции в лучшем случае может составитель законов путем четкого формулирования норм права, обязывающих чиновников только закрепить решение.

В уголовно-правовом значении коррупция является установленными уголовным законодательством социально-опасными деяниями, в роли исполнителей которых выступают чиновники и совершаемых путем использования служебных полномочий в корыстных интересах и с целью наживы. Такие деяния, считаем, необходимо обозначить как коррупционные преступления. Они представляют собой наиболее опасное проявление коррупции[7,с.21].

Для деятельности по достижению более устойчивых и эффективных результатов в уголовно-правовой борьбе с этими преступными деяниями могут быть созданы условия посредством модернизации текущего уголовного, гражданского законодательства и Основного Закона в различных направлениях. В качестве ключевых, приоритетных и сверхсрочных таких направлений выступает:

1) перестройка специализированных норм о должностных преступлениях, например, с привилегированными составами, в специализированные нормы с квалифицированными составами или составами, соотносящимися по уровню социальной опасности, указанной в санкциях, с основным;

2) удаление из санкций статей о наказании за должностные преступления всех основных карательных мер воздействия, кроме лишения свободы сроком более двух лет, а преступного деяния, установленного ст. 289 УК РФ, – более пяти лет;

3) назначение за осуществление таких преступных деяний абсолютно определенных санкций с воспрещением использовать ст. ст. 64 и 65 УК РФ и введением в санкции таких дополнительных мер, как лишение специального воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, а также конфискация собственности;

4) удаление из УК РФ ст. 304;

5) удаление из ГК РФ п. 3 ст. 575;

6) вписывание в ст. ст. 91,98 и 122 Основного Закона РФ примечания, в соответствии с которым, неприкосновенность не должна применяться по отношению к лицам, перечисленным в этих статьях, осуществившим социально-опасные деяния, указанные в УК РФ. Данное направление может быть претворено в жизнь через референдум.

Литература:

1. Андрианов В. Д. *Коррупция как глобальная проблема. История и современность*. М.: Экономика, 2019. 167 с.

2. Миронов И.А. *Новый этап противодействия коррупции в Российской Федерации* //Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2018. № 2. С. 16-21.

3. Кадырова Н.Н., Шлей К.А. *К вопросу о понятии коррупции и коррупционной преступности* // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. №2. С.37-41.

4. Вяткина Г.О. *К вопросу о совершенствовании механизмов противодействия коррупции в государственном управлении* // Вестник БГУ. 2018. №4 (38). С. 193-197.

5. Покровский М.Н. *Противодействие коррупции в России: административно-правовые и этические аспекты* // Административное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 25-31.

6. Шапошников П.С. *Понятие коррупции в международном и российском праве* //Право и безопасность. 2014. № 2. С. 23-26.

7. Редкоус В.М. *Административно-правовое регулирование противодействия коррупции в государствах-участниках Содружества Независимых Государств* //Административное и муниципальное право. 2013. № 5. С. 17-23.

Literature:

1. Andrianov V. D. *Corruption as a global problem. History and modernity*. Moscow: Ekonomika, 2019. 167 p.

2. Mironov I.A. *A new stage of anti-corruption in the Russian Federation* // *Legal Bulletin of the Rostov State University of Economics*. 2018. No. 2. pp. 16-21.

3. Kadyrova N.N., Shley K.A. *On the question of the concept of corruption and corruption crime* // *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2019. No. 2. pp.37-41.

4. Vyatkina G.O. *On the issue of improving anti-corruption mechanisms in public administration* // *Bulletin of BSU*. 2018. No. 4 (38). pp. 193-197.

5. Pokrovsky M.N. *Anti-corruption in Russia: administrative-legal and ethical aspects* // *Administrative and municipal law*. 2013. No. 6. pp. 25-31.

6. Shaposhnikov P.S. *The concept of corruption in international and Russian law* // *Law and security*. 2014. No. 2. pp. 23-26.

7. Redkous V.M. *Administrative and legal regulation of anti-corruption in the member States of the Commonwealth of Independent States* // *Administrative and municipal law*. 2013. No. 5. pp. 17-23.